МЕРТВОЕ ТѢЛО.

Въ зимній вечеръ, идущій въ домовой отпускъ служивый постучался въ первое встрѣчное окно небольшой деревушки. «Чего надо?» спросилъ бабій голосъ, между тѣмъ какъ густая тѣнь головы затемнила все красное оконце, котораго всю красоту впрочемъ составляло одиночное стеклышко въ четвертку листа. «Пустите, хозяюшка, служиваго, переночевать — вишь у васъ и погода–то не людская.» — А ты куда идешь, какъ идешь, откуда, зачѣмъ? продолжала его распрашивать баба, не рѣшаясь дать прямаго отвѣта. Поздно служивый спохватился, что не смотря на опытность свою, далъ машка: ему бы просто взойти, попросившись погрѣться, такъ не было бы докучливыхъ распросовъ подъ окномъ, на морозѣ. Наконецъ отперли калитку; онъ вошелъ, обогрѣлся, поѣлъ, побалагурилъ, а между тѣмъ, покрякивая что–то уже во

весь день, вдругъ не шутя разнемогся, отвѣчая на всѣ вопросы перепуганныхъ хозяевъ, что его схватило, приступило къ сердцу, привалило подъ самую душку и проч.

Дѣло не шуточное! Человѣкъ, да къ тому еще человѣкъ чужой, сторонній, а наконецъ и казенный, государевъ чинъ, умираетъ. Слово это, равносильное на языкѣ крестьянъ нашихъ болѣзни, нездоровью, заключаетъ однакоже въ себѣ понятіе или возможность смерти и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ бываетъ для нихъ страшнымъ и роковымъ. Сошлись сосѣди, потолковали, вышли, опять пришли, долго чесали затылки, прислушиваясь къ стону больнаго; — тамъ пришелъ кто–то въ родѣ старосты или сельскаго старшины, и всѣ рѣшили, что дѣло плохо, больно плохо, что служба умираетъ. Заложили дровни, положили на нихъ соломы, и, подъ крикъ, вой и причитанье хозяйки, которая клялась и божилась, что головушка ея пропала, таки вотъ совсѣмъ погибла, кой–какъ растолкали служиваго, уговорили его

собраться въ походъ и ѣхать въ ближайшую деревню, гдѣ ему будетъ сподручнѣе, гдѣ мужики богатые и оченно жалостливые, а избы все хорошія, и гдѣ есть также искусная знахарка, которая ему какъ–разъ животъ направитъ. Ему обѣщали хлѣба на дорогу, соломы на подстилку и два тулупа для покрышки. Все это показалось служивому столь соблазнительнымъ, что онъ рѣшился не упустить случая попользоваться подводой, вмѣсто того, что ему пришлось бы перемѣрять этотъ перегонъ, въ зимнее и ненастное время, своимъ аршиномъ. Для большаго убѣжденія кричали ему со всѣхъ сторонъ: Ступай, ей Богу ступай — хуже какъ тутъ помрешь; а помрешь, ей Богу помрешь, и проч. Служба легъ въ ворохъ соломы, свернулся, его укрыли тулупами, насовавъ ему подъ бока посохъ его, котомку, запасные сапоги и въ придачу еще большую ковригу хлѣба, которую онъ подмостилъ себѣ очень ловко, вмѣсто подушки, подъ головы. Дровни тронулись, со всѣхъ сторонъ посыпались совѣты и наказы мальчишкѣ, котораго

посадили править, и голосъ высокаго жердяя покрылъ всѣ голоса, когда дровни уже отъѣхали саженъ на десятокъ, и вслѣдъ за ними раздавалось зычно и ясно: Кобыла чужая, кнутъ не свой — погоняй не стой!

Но чужая кобыла обтерпѣлась и не слишкомъ уважала не свой кнутъ, если онъ былъ въ рукахъ мальчишки; она вскорѣ поняла свое положеніе, расчитавъ по первымъ тремъ шлепкамъ, чего ей ожидать на остальномъ пути, и потому ограничивалась тѣмъ, что мѣстами спускала сани подъ гору вскачь, а впрочемъ отвѣчала на каждый взмахъ плети взмахомъ хвоста и продолжала путь свой шагомъ. Мальчишка, который перезябъ, укутался и завернулся, поворотившись встрѣчному вѣтру спиной, и вскорѣ началъ дремать; а служба, благоденствуя на мягкой постели, подъ теплой покрышкой, спалъ какъ убитый и ни разу не выказалъ носу изъ–подъ двойнаго тулупа.

Служивый выспался, почувствовалъ, что брюхо его, безъ знахарки, давно уже

пришло въ законное положеніе, ощупалъ подъ бокомъ палку, а въ головахъ хлѣбъ, приподнялъ полу тулупа, и выглянулъ на свѣтъ Божій. А что, спросилъ онъ мальчишку, толкнувъ его рукой, скоро что ли на фатеру–то? Не знаю, дядюшка, отвѣчалъ тотъ, вишь куда заѣхали, что я и не бывалъ тутъ. — А чего жъ ты глядѣлъ? — Да чего глядѣть, темно, не видать ни зги, чуть не замерзъ. — Да куда же ты ѣдешь теперь? — Да не знаю, дядюшка, вотъ ей Богу не знаю. — Ну, вези, куда Богъ велитъ, пробормоталъ служба и полѣзъ опять подъ тулупъ. Мальчишка чуть не плачетъ; лошадь бредетъ, куда ей угодно, а служба, творя крестъ за крестомъ, лежитъ подъ тулупами и съѣдаетъ ломоть за ломтемъ отъ своего изголовья.

Наконецъ ему показалось, что опять много времени прошло; сытое брюхо его пришло въ самое пріятное положеніе, и онъ, выглянувъ изъ–подъ тулупа и увидавъ, что уже расвѣло, снова сталъ спрашивать мальчишку, скоро–ль на фатеру. Услышавъ опять тотъ же неопредѣленный и притомъ

отчаяннымъ голосомъ произнесенный отвѣтъ, служивый самъ принялъ начальство: онъ уложилъ мальчишку на свое мѣсто, разумѣется, назвавъ его щенкомъ и поросенкомъ, взялъ возжи въ руки, плюнулъ въ рукавицу, взялъ кнутъ и погонялъ — не стоялъ. Кобыла, не смотря на всю усталость свою, тотчасъ же поняла, въ чемъ тутъ сила, и помчала по дорогѣ во всѣ оглобли. Черезъ часъ показалась издали изба, тамъ другая и третія, и вскорѣ пріѣхали въ деревню. Служба только-что сталъ-было опять привязываться къ мальчишкѣ, допытываясь, какая это деревня, какъ увидѣлъ надъ дверьми одной избы привѣтливую елку и въ тоже мгновеніе разсудилъ, что дальше ѣхать не зачѣмъ; стой, пріѣхали, сказалъ онъ — вотъ она гдѣ, знахарка, что животы-тѣ правитъ; самъ соскочилъ съ дровней, взялъ посохъ, котомку, сапоги и остальной ломоть хлѣба, и, сказавъ: Спасибо, парнишко; благодари на милости, какъ дома будешь — самъ отправился въ заведеніе.

Служба такъ хорошо выспался, въ теплѣ и на хлѣбѣ, что и позабылъ о вчерашней хворости своей; а заправивъ дѣло чаркой–другой и позанявшись пріятной бесѣдой подъ елкой, не успѣлъ оглянуться, какъ время перешло за полдень. Онъ вспомнилъ, что ему тутъ не вѣкъ вѣковать, собралъ припасы свои, которыхъ, какъ мы видѣли, было очень не много, и вышелъ на улицу, чтобы продолжать путь. Онъ былъ очень доволенъ ночнымъ приключеніемъ своимъ, потому что перезябшій, плаксивый мальчишка провезъ его верстъ тридцать, по прямому пути, и этимъ порядочно подвинулъ впередъ.

Но собравшійся въ это время около заведенія народъ, обступилъ нашего путника, готоваго пуститься въ дорогу, и сталъ его убѣдительно уговаривать и упрашивать остаться ночевать. Ему предлагали все: и столъ и полати, только не ходи теперь, а оставайся до утра въ деревнѣ. Съ ума что ли вы сошли, сказалъ расходившійся служивый, да что вы мнѣ за дядьки? Пришелъ я въ одну деревню

хворый, не дали покою, не дали костямъ моимъ отдохнуть, а выпроводили вонъ на своей подводѣ, только не оставайся у нихъ, не умирай на селѣ; пришелъ — аль бишь пріѣхалъ — въ другую, тутъ не пускаютъ, сиди на печи!

Но міръ разсуждалъ по своему: старики указывали на погоду, на морозъ, да на мятель, которая съ полудня опять стала разыгрываться, да еще на голову служиваго, которая пришла мало по малу именно въ то положеніе, когда море бываетъ по колѣно, а лужа по уши. Какъ его отпустить, говорили они, ты вишь, что на дворѣ дѣлается, а самъ-то онъ каковъ! тутъ долго-ль до грѣха? отойдетъ до Игнашкина яра, да замерзнетъ; тутъ, парень, бѣды не оберешься; ему-то вишь спола горя, а мы отвѣчай послѣ! Нѣтъ, служба, ужъ ты сдѣлай милость такую, послушайся насъ; хлѣбъ-соль будетъ, теплый уголъ тебѣ будетъ и чарка еще будетъ на ночь; только сиди ты теперь и нишни; утро вечера мудренѣе, что Богъ дастъ, завтра пораньше пойдешь. — Не

хочу, кричалъ служивый, размахивая руками и толкая посохомъ въ снѣгъ; не хочу, пойду да и полно; ты вишь, я совсѣмъ собрался, и котомка за плечами. — Мы видимъ, что ты совсѣмъ собрался, сказали мужики, да вишь сборы–то твои въ такую дорогу не хороши; ты забралъ лишнее. Угомонись, служба, оставайся; воля твоя, а мы тебя не пустимъ. Не хочу, подите прочь, вы мнѣ не указчики; я казенный, государевъ человѣкъ, на водѣ не потону, на огнѣ не сгорю. — Ну слушай, обожди до утра, еще чарка тебѣ будетъ! Не хочу ничего, пустите! — Ну утромъ отвеземъ тебя, дадимъ подводу, только не ходи теперь, замерзнешь! — Не хочу, пойду теперь, да и полно; прочь, отступитесь; хоть кланяйтесь, хоть просите, хоть стращайте, а пойду! — Нечего дѣлать съ нимъ, сказалъ старикъ, который, снявъ шапку, кланялся и упрашивалъ солдата принять ужинъ, чарку вина и подводу на другой день, нечего дѣлать, отвеземъ же его лучше теперь, чтобъ не было грѣха. Степка, бѣги скорѣй да закладывай розвальни — а ты, служба,

сдѣлай милость, не ломайся, вотъ на ту минутку запряжетъ парень и выбѣжитъ.... Но служба, вошедши разъ въ строптивую колею, и тутъ еще долго спорилъ и буянилъ, покрикивая на собравшуюся вокругъ него толпу: прочь, раступись, ударю! и вырывая полы шинелишки своей изъ рукъ усердныхъ и заботливыхъ мужичковъ, которые робѣли по отвѣтственности за казеннаго человѣка. Послѣ долгихъ перекоровъ и усердныхъ просьбъ, онъ однакоже сѣлъ въ сани, въ особенное одолженіе крестьянъ, и погрозивъ имъ съ саней посохомъ, сказалъ: Ну, смотрите вы у меня, я васъ... а впередъ, вотъ ей Богу ни въ жизнь то есть не поѣду, да.... и при общемъ хохотѣ крестьянъ, благополучно тронулся въ путь.

Вотъ вамъ картина, которую можетъ быть не всякому случалось видѣть; но не всегда этотъ страхъ крестьянъ за отвѣтственность, — и въ особенности за это роковое мертвое тѣло, — оканчивается такъ забавно, какъ въ похожденіяхъ солдата, идущаго въ домовой отпускъ. Иногда

послѣдствія бываютъ очень грустны. Вотъ другой случай, который мы раскажемъ въ точности, какъ онъ былъ, но не назовемъ только мѣсто и лица.

Въ дурное, суровое зимнее время ветхій старикъ пришелъ на село, побираясь милостыней. Извѣстно, что эти сельскіе нищіе обходятъ, изъ селенія въ селеніе, большія пространства и доходятъ иногда довольно далеко; никто не зналъ старика въ этой деревнѣ, потому что онъ былъ, какъ у насъ выражаются, *со стороны*. Ночь застигла его, и онъ сталъ проситься переночевать, а какъ хлѣбомъ–солью кормитъ не богатый, а тороватый, то и въ этомъ случаѣ приняла его убогая вдова. Старикъ на другой день былъ еще слабѣе и хилѣе; но хозяйка боялась отвѣта за передержательство, и, посовѣтовавшись съ сосѣдями, объявила ему, чтобъ онъ шелъ съ Богомъ, куда хочетъ. Онъ поднялся съ лавки при ея же помощи и вышелъ на улицу, но тамъ упалъ и не могъ встать. Какъ ей быть? съ отчаяніемъ она звала людей на помощь, но никто не хотѣлъ итти,

говоря: отвѣчай послѣ сама, коли пустила. Кой–какъ она подняла старика и опять свела въ избу. Онъ разнемогся пуще, просилъ Христа ради о спасеніи души, и добрая хозяйка сама повезла его въ ближайшее село, къ священнику, на исповѣдь и причастіе; но дѣваться съ нимъ болѣ не куда, никто его не принимаетъ, и она привезла его опять домой. Міръ напалъ на нее и грызъ ей голову безотходно, что–де умретъ старикъ, безпремѣнно умретъ, судъ наѣдетъ, и бѣда будетъ всѣмъ; что–де ты тогда дѣлать станешь? А намъ–то за что отвѣчать за дурость твою?

Прошелъ еще день и міръ рѣшилъ, что старикъ умираетъ, но что ему никакъ нельзя дать умереть въ деревнѣ. Иные хотѣли, чтобъ хозяйка вывезла его на распутье; но другіе отвѣчали, что найдутъ трупъ, и дѣло будетъ еще хуже, отвезти бы дальше, на чужую межу, такъ вишь узнали уже въ околоткѣ и на селѣ, что былъ у насъ на деревнѣ старикъ и доищутся; только другихъ запутаемъ, а сами не уйдемъ; вишь она съ–дуру–то еще и на

село возила приживальца своего. Какъ же тутъ быть? Родимые мои, говорила хозяйка, да вѣдь онъ человѣкъ, хоть передъ Богомъ человѣкъ; куда же я съ нимъ дѣнусь? — Да куда хочешь, туда и дѣвайся, чтобъ его и слуху и духу тутъ не было, чтобы и слѣдовъ его тутъ не оставалось, и концы въ воду: не-то бѣда тебѣ будетъ неминучая, затаскаютъ, и пропадешь; а не дай Богъ, умретъ онъ у тебя — а ты видишь, что онъ ужъ почитай не живой, совсѣмъ умираетъ, все равно что померъ — умретъ, такъ вотъ мы тебя тотчасъ свяжемъ и представимъ; отвѣчай, какъ знаешь, а съ больной головы на здоровую не сваливай.

Хозяйка моя бросалась за помощію и за совѣтомъ во всѣ стороны, но кромѣ страховъ и угрозъ ничего не слышала. Дура ты, сказалъ ей наконецъ шопотомъ мужикъ, у котораго борода была уже съ просѣдью, — дура ты, Онисимовна, вѣдь ты видишь, кака бѣда пристала; чего тутъ толковать — извѣстно, тутъ нечего болѣ дѣлать, какъ въ мѣшокъ грѣхи, да подъ лавку; ты заложи ночью дровни, навали

старика за живо — не-живъ, все одно помираетъ — выѣзжай потихоньку подъ ярокъ, да благословясь вывали его въ рѣку: вотъ тебѣ и концы въ воду, и все благополучно; не раззорять же изъ-за тебя всю деревню; вода все смелетъ, небось, вынесетъ весной гдѣ нибудь верстъ за пятдесятъ — что жъ, ты въ сторонѣ; скажешь, что подвезла его до большой дороги, а онъ-де пошелъ, а куда и зачѣмъ дѣвался, не могу знать.

Баба подумала, да и заложила дровни и взвалила старика, который былъ безъ памяти, свезла подъ яръ и вывалила въ рѣчку. Стало быть такая судьба его, подумала она, да и моя: авось Господь не взыщетъ....